

Фёдор оказался прав: Вонгола действительно воспользовалась остаточной проклятой энергией, которую источал Кэндзяку, чтобы вплотную заняться исследованием проклятых существ и магии дзюдзюцу.

Проклятые существа — чудовища, рожденные людской злобой и пороками.

«Если допустить, что проклятая энергия, подобно Пламени посмертной воли, есть не что иное, как жизненная сила человека... Можно ли тогда считать рожденных людьми проклятых существ бессознательными энергетическими конгломератами?»

Именно такое предположение выдвинули ученые семьи Вонгола.

Высшие чины мира магов десятилетиями твердили, будто у обычных людей нет проклятой энергии. Но если это так, откуда тогда берется колоссальная сила самих проклятых существ? Не могут же они просто поглощать рассеянные в воздухе крохи сил профессиональных магов.

Если гипотеза верна, то догмы, на которых веками держался мир магов, рухнут в одночасье. Выходит, способность применять техники — лишь вопрос преодоления определенного порога, накопления критической массы энергии. Обыватели же лишены этого дара лишь потому, что их собственный запас слишком мал, чтобы контролировать его, направлять вовне или удерживать внутри.

Он подобен едва уловимому запаху: растворяется в воздухе, оставаясь незамеченным.

«А значит, магом может стать каждый».

Изначально предназначение магов сводилось исключительно к истреблению проклятых существ. И если технологии позволят снизить порог высвобождения энергии, то это утверждение перестанет быть пустой фантазией.

А уж в чем-в чем, а в передовых технологиях Вонгола дефицита не испытывала. Проклятая энергия была для них новым источником силы, но, имея за плечами колоссальный опыт изучения Пламени посмертной воли, ученые семьи продвигались вперед семимильными шагами. Проводить изыскания с нуля им не пришлось.

Выжав все соки из своего подопытного Кэндзяку, исследователи создали первое поколение оружия, предназначенного специально для борьбы с проклятыми существами. Эту разработку преемник Десятого босса Вонголы, Цунаёши Савада, лично передал Божественному дитя клана Годзё — Сатору Годзё. Этот жест должен был стать символом дружбы и залогом успешного вхождения итальянской мафии в японский мир магов.

— Ого, а это еще что за штуковина?

Сатору Годзё повертел в руках довольно нелепый игрушечный пистолет, соображая, как бы его поинтереснее разобрать.

— Наше новейшее оружие, — Цунаёши Савада неловко почесал затылок. Ему и самому было неловко. Впрочем, пройдя суровую школу Реборна с его бесконечными «игрушечными» пушками, Цуна давно научился удивляться подобному дизайну и удержался от колкостей.

— Ну ладно, попробуем, — хмыкнул Сатору.

Он прицелился в парящее неподалеку мелкое проклятое существо — слабенького духа четвертого ранга, каких полно на каждом углу, — и нажал на курок.

Крохотная капсула, похожая на пиллюлю, врезалась в мишень. Тварь даже пикнуть не успела, как бесследно растворилась в воздухе. Сатору ради любопытства выстрелил себе под ноги — урон оказался ничтожным.

— Всего пять зарядов? — парень прищурился. Благодаря Шести глазам он без труда заглянул внутрь механизма. — И этот резервуар... Постой, энергия в патронах ведь выкачана из того парня-мозга?

Любопытства ради он перенаправил поток собственной проклятой энергии в опустевший отсек оружия. Аккуратно отделив крошечную долю от своего бездонного резерва, Сатору мгновенно заполнил емкость до краев.

— Вроде того, — вздохнул Цунаёши.

Коротко объяснив принцип работы устройства, он поспешил откланяться. Дел у будущего босса мафии было по горло: Реборн уже ждал его на очередную пытку — то есть урок этикета Десятого босса и экспресс-курс итальянского языка.

Получив новую игрушку, Сатору пришел в полный восторг. Пусть пистолет и уступал его собственной Безграничности, парень загорелся идеей испытать его на практике. Разумеется, первыми под раздачу попали все его знакомые сверстники.

— Эй! Лови подарочек!

Сюдзи Цусима попытался уклониться, но снаряд все равно задел его по касательной. К счастью, сработала его способность к аннулированию чужой силы — в момент соприкосновения пуля просто растаяла без следа. Шагавший рядом Чую Накахара среагировал куда быстрее: он давно привык к безумным выходкам Сатору и мгновенно перехватил летящий в него снаряд силой гравитации, заставив тот зависнуть в воздухе.

— Моя домашняя работа! — в ужасе воскликнул Чую, когда шальная пуля рикошетом разнесла

его тетрадь в мелкие клочья.

— Ха-ха-ха! Ну ты даешь! — покатылся со смеху Годзё.

Сакуносукэ Ода и Акико Ёсано как раз сидели на веранде, обсуждая планы на будущее. Они сошлись во мнении, что нельзя бесконечно сидеть дома и пора бы получить нормальное образование, когда в их мирную беседу бесцеремонно ворвался ураган по имени Сатору.

— Осторожно, — негромко предупредил Одасаку, чья способность «Безупречный» за несколько секунд до этого показала траекторию летящего снаряда. Он легко качнулся в сторону, уходя с линии огня.

Акико среагировала мгновенно: выхватив скальпель, она аккуратным, отточенным взмахом рассекла летящую в нее пилюлю надвое.

— Да уж... Ну и егоза, — вздохнула девушка, провожая взглядом белую макушку, скрывшуюся за углом. От Сатору остался лишь смазанный светлый силуэт.

На фоне рассудительных старших Сатору казался сущим ребенком, вечно ищущим приключений. Но, надо признать, именно эта его неумная энергия делала их будни яркими и запоминающимися.

— Похоже, он побежал к выходу? — спросила Акико.

— Наверное, — кивнул Одасаку.

Находившиеся в Колледже магии Ранпо Эдогава и Тодзи Дзэнин тоже не остались в стороне — получив свою порцию «шуточных» обстрелов, они с воинственным кличем бросились в погоню за шутником, горя желанием отомстить.

Когда шумная потасовка наконец утихла, разгоряченная троица дружно отправилась к Масамичи Яге. Они во всех красках расписали ему преимущества новых технологий Вонголы и даже предложили рассмотреть возможность официального партнерства. И хотя Яга был вынужден вежливо отказаться, сославшись на строгие правила учебного заведения, сама идея его не на шутку заинтересовала.

— Если удастся увеличить мощность этих штук, то на миссии низшего ранга вообще не придется отправлять магов, — задумчиво произнес Яга.

В глубине души он все же сомневался. Мир магов оставался неизменным почти тысячу лет, закостенелый в своих традициях, и поверить в скорые перемены было трудно.

— Вот увидишь, это только начало, — уверенно заявил Сатору.

Он прекрасно понимал скепсис наставника. Но былая тысяча лет застоя подошла к концу. Нынешний год разительно отличался от прошлых веков: один за другим происходили тектонические сдвиги, способные перевернуть устоявшийся порядок с ног на голову, в то время как заносчивые старейшины из высших чинов пребывали в блаженном неведении.

— Что ж, поживем — увидим, — мягко улыбнулся Яга.

Он не стал спорить с мальчишкой. В его взгляде читались тепло и снисхождение — так взрослые смотрят на амбициозных детей, позволяя их самым смелым мечтам крепнуть и расправлять крылья.

Когда Фёдор прибыл на место, Сатору Годзё уже след простыл — тот умчался испытывать свое новое оружие.

Впрочем, встреча со вспыльчивым юношей была лишь второстепенной задачей Достоевского. Главной же его целью оставался визит к Аль-Хайтаму.

Фёдор прекрасно понимал характер своего бывшего наставника: если не прийти к нему самому, тот и пальцем не пошевелит для встречи. Хайтам всегда отличался поразительной ленью во всем, что касалось социальных контактов, и никакие провокации не могли вывести его из душевного равновесия.

Проработав основные детали своего плана, Достоевский, словно самый прилежный и почтительный ученик, купил скромный презент и вежливо нажал на кнопку звонка.

Мелодичный перелив эхом разнесся по дому. Спустя полминуты дверь со щелчком отворилась, и на пороге показался Аль-Хайтам.

Он ни капли не изменился с их последней встречи. Даже амбушюры на его неизменных наушниках казались прежними, без единой новой царапины. Время будто обходило этого человека стороной, не оставляя на нем следов.

— Зачем пришел? — вместо приветствия сухо бросил хозяин дома.

Эта ровная, лишенная эмоций интонация тоже оставалась неизменной.

— Разве я когда-то скрывал от вас свои шаги, учитель? — Фёдор тонко улыбнулся.

За прошедшие годы юноша заметно вытянулся. Не настолько, чтобы сравняться с рослым мужчиной, но теперь ему хотя бы не приходилось заирать голову, разговаривая с каждым встречным. Вместе со сменяющимися временами года менялся не только его облик, но и разум. Его мысли устремлялись по новому руслу — вели ли они к свету или увлекали во тьму, пока оставалось загадкой.

Разумеется, Аль-Хайтаму по-прежнему приходилось смотреть на него сверху вниз. С этого ракурса ему прекрасно была видна неизменная ушанка Фёдора и выглядывающие из-под отросшей челки внимательные темно-фиолетовые глаза.

Мужчина промолчал.

Они не стали размениваться на пустые любезности вроде «как ты вырос». Короткий период ученичества позади, но они никогда не питали иллюзий — их связь не дотягивала даже до банального приятельства.

— Ой, а чего вы на пороге застыли? Проходи давай! — звонкий голос Кавеха нарушил затянувшуюся паузу.

— Ничего, — Аль-Хайтам отступил на шаг вглубь прихожей, освобождая проход.

Раз уж визит был нанесен столь открыто, следовало признать: Фёдор все же усвоил некоторые правила приличия и вел себя как подобает гостю.

Переступив порог, юноша мгновенно кожей ощутил на себе с десятков взглядов. Его изучали с любопытством, подозрением, удивлением и дотошностью. Но в этих взглядах не было открытой враждебности — так, легкое покалывание, не более раздражающее, чем укус назойливой мошкеры. Достоевский лишь вежливо проигнорировал это внимание.

— Поднимемся наверх, — предложил Аль-Хайтам.

Внизу, в просторной гостиной, вести конфиденциальные беседы не имело смысла. Наверняка под дверью тут же собралась бы парочка любопытных «котят», привлеченных запахом интриги.

— У вас здесь на удивление уютно, — негромко заметил Достоевский, оглядываясь по сторонам.

Это было его первое и самое отчетливое впечатление. Интерьер дома явно создавался рукой мастера: мягкие пастельно-зеленые тона стен гармонично сочетались с теплым светом ламп, а расставленные повсюду милые мелочи, безделушки и разномастные сувениры наполняли пространство ощущением бьющей ключом жизни.

— Работа вашего соседа? — поинтересовался Фёдор.

— Его, — коротко кивнул хозяин.

Достоевский вспомнил Кавеха, которого мельком видел внизу. Полная противоположность педантичному Аль-Хайтаму: яркая, даже кричащая одежда, порывистые жесты. Но именно этот человек приносил в дом тепло и заботу, которая проявлялась в мелочах — вроде аккуратно выставленной на журнальный столик вазочки с орехами и сухофруктами.

— И все же меня искренне удивляет ваше внезапное увлечение благотворительностью. Не думал, что в вас проснется страсть к воспитанию детей.

Проанализировав собранные за последние годы крупницы информации и воочию понаблюдав за царящим здесь детским хаосом, Фёдор на мгновение засомневался в собственных выводах. Аль-Хайтам и роль заботливого опекуна для оравы ребятишек казались вещами абсолютно несовместимыми. Но за три года разлуки могло произойти всякое — вдруг у его холодного наставника и впрямь прорезался педагогический талант? Вероятность этого стремилась к нулю, но все же существовала.

Хотя разум Достоевского настойчиво подсказывал: дело здесь в чужом влиянии.

Лишенный ключевого фрагмента мозаики в виде пресловутой Системы, Фёдор позволил своим мыслям свернуть на ложный путь. Но, совершив в уме череду головокружительных логических кульбитов, он все же вычленил верную суть: между Хайтамом и Кавехом определенно существовала некая хитрая, скрытая от посторонних глаз химия.

— Избавь меня от своих домыслов. Все, что ты там себе вообразил, не имеет ничего общего с реальностью, — ровным тоном оборвал его Аль-Хайтам.

Слишком многие смотрели на них с этим характерным, понимающим прищуром. И взгляд Фёдора сейчас ничем не отличался от праздного любопытства толпы. Поэтому мужчина почел за лучшее сразу внести ясность.

— Любовь всегда ослепляет людей, учитель. Так было с мадемуазель Полиной и господином Тургеневым, так происходит и с вами, и с тем прекрасным господином, — мягко парировал Фёдор.

Увы, сухие доводы Аль-Хайтама не возымели никакого действия. На бледном лице юноши расплылась снисходительная улыбка, которая красноречиво говорила: «Можете не оправдываться, я все прекрасно понимаю».

<http://bllate.org/book/18256/1755743>